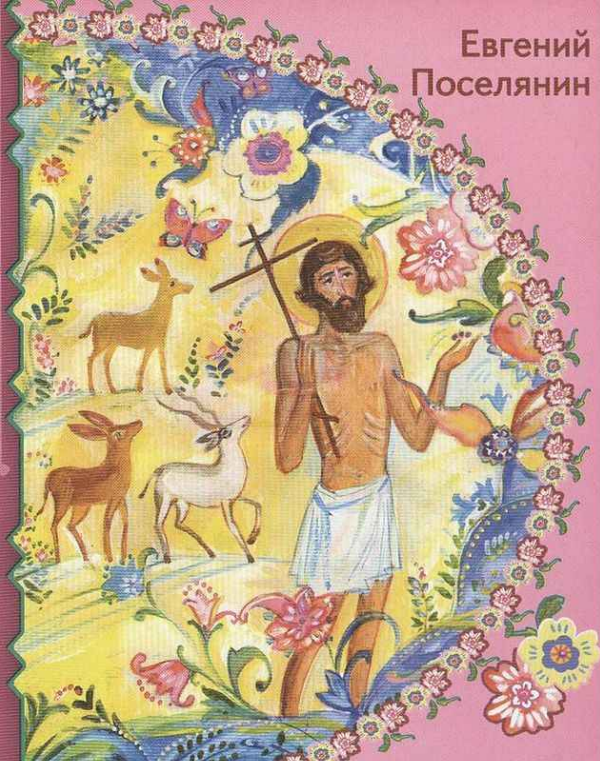
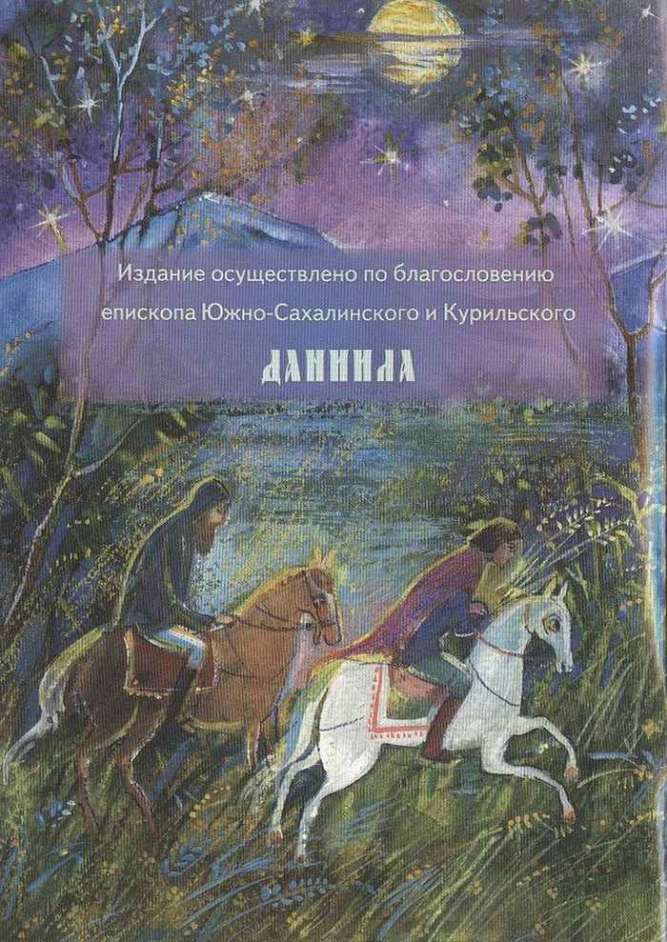

Евгений
Поселянин

**КТО ПЕРВЫМ
ВОШЕЛ В РАЙ?**

Издание осуществлено по благословению
епископа Южно-Сахалинского и Курильского

ДАНИИЛА

Евгений Поселянин ²⁴⁰⁰

КТО ПЕРВЫМ ВОШЕЛ В РАЙ?

Художник Наталья Иванищева

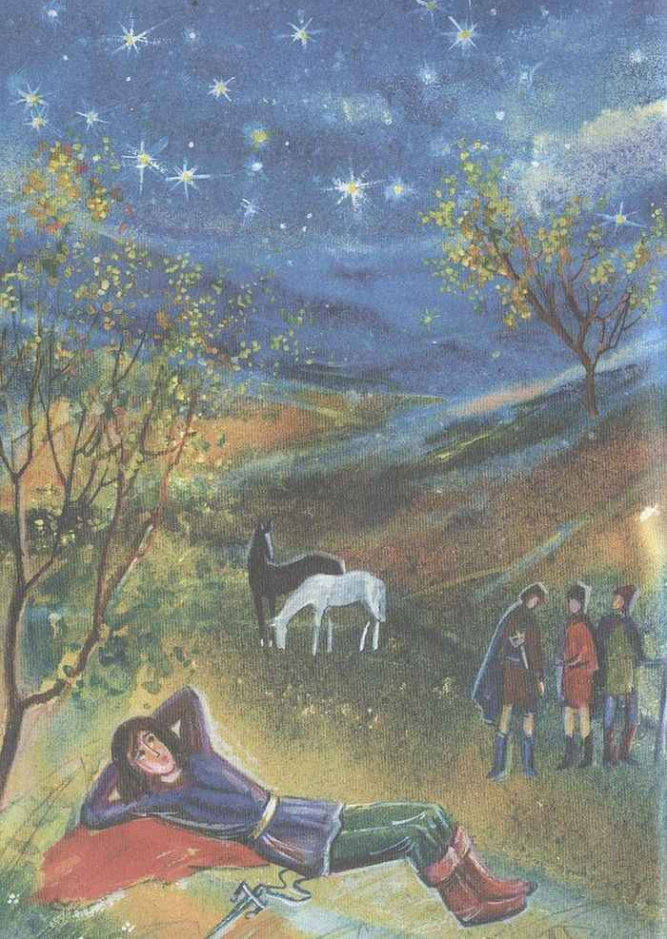
Москва

2008

Приход храма Святого Духа сошествия

Отблеск светлых видений
На душе не угас.

Князь Пётр Вяземский

Южная ночь со своим тёмным таинственным небом стояла над пустыней. Тысячи огней переливались в вышине; они сияли величаво и молча, не нарушая тишины сосредоточенной природы. И всякий раз, как звезда вспыхивала ярче, казалось, что она силится выразить чудную мысль. Но все эти мысли не спускались на землю, а оставались гореть там, в загадочной неизмеримой дали небес. Громадная пустыня в этой ночи неподвижно дремала, точно не было жизни ни в ней и нигде поверх неё, до самых сияющих мыслями звёзд.

Но в пустыне были люди. Чуть в стороне от дороги, за песчаным холмом, притаилась шайка разбойников. Они вышли на добычу и ждали.

Один из них лежал на спине, подложив руки под молодую голову, и смотрел в опрокинувшееся над ним небо.

«Хорошо бы,— думал он,— пролежать так всю жизнь и всё глядеть, ни о чём не думая, и чтобы всё кругом было спокойно, без криков и крови,

и чтобы совесть... Не молчит она, не молчит... Я так ещё молод, а весь в крови. Детство без матери, где-нибудь в пещерах, а потом ранние грабежи... иступлённая шайка... Тяжёлая жизнь!»

Чу! Люди встрепнулись: по дороге едут.

Кровь в молодом разбойнике разгоралась; он заслышал дело, и все его жалобы сразу забылись. Впереди других он стал тихо красться к дороге.

Издали доносился неторопливый стук копыт по каменистой почве. На дороге показался осёл. На нём сидел Кто-то, закутанный длинным покрывалом, а около шёл ещё человек.

— Стой! — раздалось вдруг среди тишины, и путники были мгновенно окружены. В эту самую минуту из-за дальней горы выплыл месяц и озарил странников мягким светом. Около осла стоял в бедной одежде высокий и худой старец простого и величественного вида. Глаза его смотрели спокойно и бесстрашно. Он помог молодой Матери, Которую сопровождал, сойти на землю. Она придерживала у Своей груди Младенца.

Сойдя на землю, Она откинула покрывало. Смущённый шёпот пробежал среди разбойников. То было невыразимо ясное детское лицо невиданной строгой красоты, и непорочный взор,

светившийся материнской любовью. Этот взор от Младенца, покоившегося у Неё на руках, точно уходил мимо этой ночной дороги и толпы разбойников в какие-то далёкие края, где была Её душа.

Неподвижно стояли разбойники перед бедными путниками и не смели произнести ни слова. И когда самый закоренелый из них взял за узду осла, старик произнёс властным голосом:

— Оставь нас. Это — Младенец Иисус и Мать Его — Дева Мария.

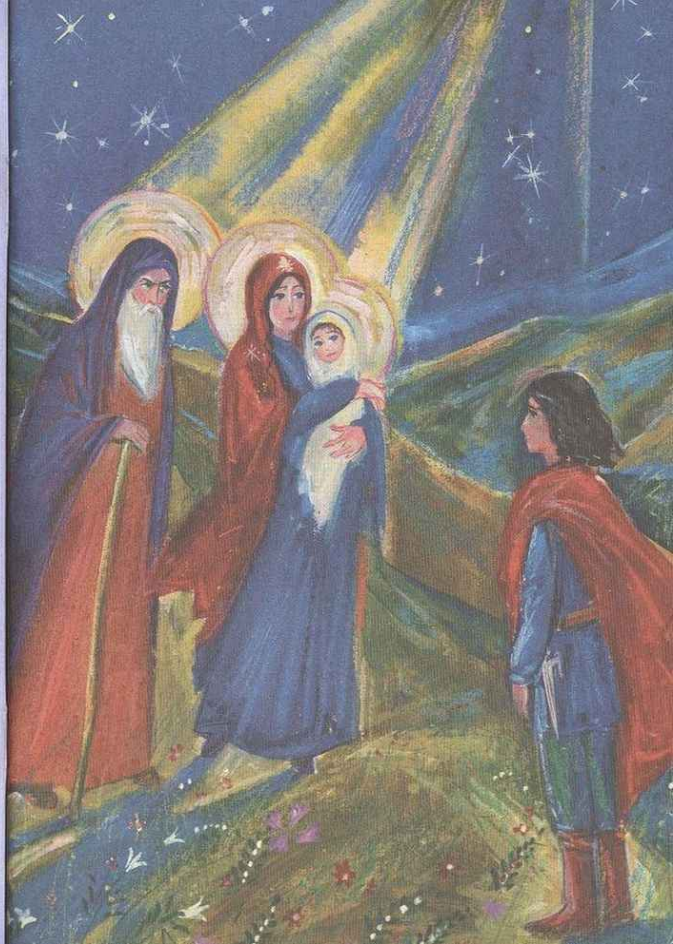
А молодой разбойник сказал на ухо товарищу так, что тот дрогнул — столько было угрозы в его шёпоте:

— Оставь Их, Они свободны.

Младенец проснулся; Мать Его подняла Его выше, и Он отвел от Её груди Свою голову.

Лучи луны точно собрались вокруг Младенца ярким голубым сиянием, и в этом сиянии Он сидел, как на Престоле, на руках Своей Матери. Ясным взором Он обвёл толпу и остановил его на разбойнике. То была тайна, что сказал ему этот взор, но разбойник затрепетал и в восторге воскликнул, падая на землю:

— Это Бог, принявший на Себя человеческий образ!

И тогда все склонились перед Святым Младенцем. Лучи сияли всё ярче и ярче, и в пустыне было тихо, торжественно и чудно.

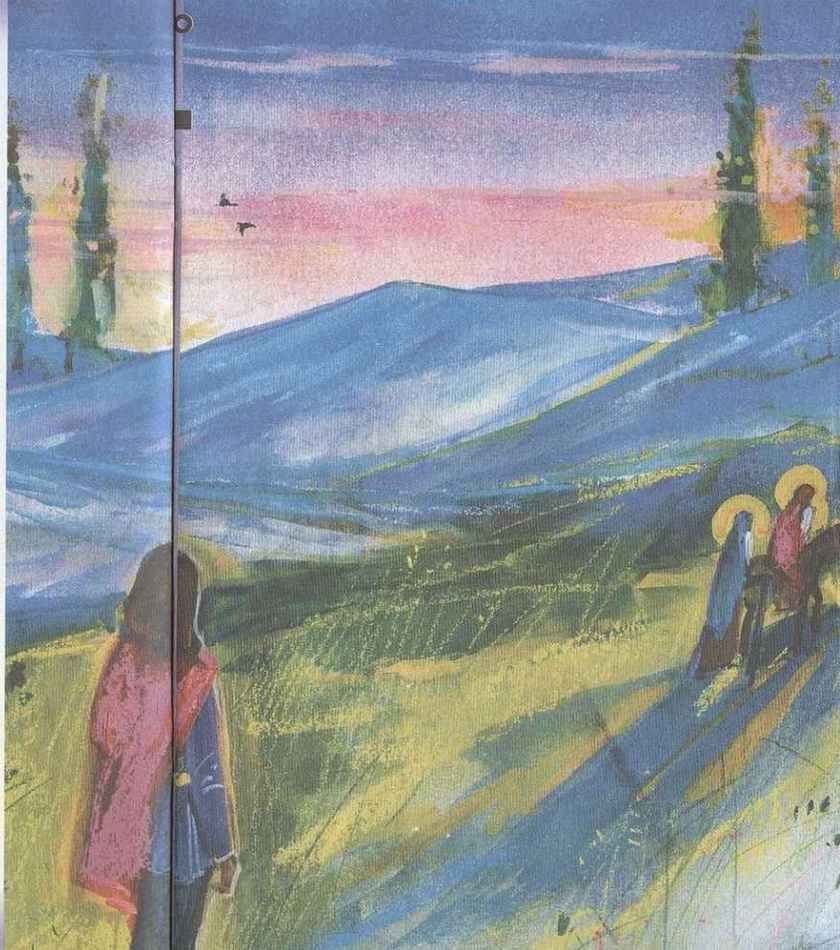
А когда они поднялись, Младенец снова покоился на груди Своей Матери.

Молча старец помог Деве сесть на осла; молодой разбойник взялся за повод и повёл. Отходя от Девы, он слышал, как Она сказала ему:

— Этот Младенец воздаст тебе добрым воздаянием.

Ему казалось, что от звёзд, с неба, ветер ночной донёс до него этот голос, и каждый звук тех слов запал ему глубоко в душу.

Путники уже скрылись в полутьме дороги, а молодой разбойник долго ещё стоял, находясь под впечатлением невыразимого явления.

Над пустынной глубокой долиной близ Иордана расстилалась тёмная ночь. Звёзд не было, хмурые тучи заволокли небо, ветер скатывался с краёв долины в обрыв и сердито гудел.

К одной из стен долины прислонился разбойничий табор. У дымных костров варили пищу, и разбойники, плотно кутаясь в тёплые плащи, тихонько беседовали. Неподалёку дремали лошади, привязанные к длинному натяжному канату. Поодаль от костров была видна высокая тень предводителя разбойников, который, понутив голову и прислушиваясь к вою ветра, ходил взад и вперёд по песку.

Между тем разбойники, часто поглядывая в сторону атамана, замыслили его погибель. Слышались презрительные отзывы:

— Неженка, милостивец, сердобольный! Не пропадать же нам из-за него,— говорили они,— всех стариков на волю отпускает, женщинам

защитник, ребёнка на днях прихлопнуть хотели, чтоб нас не выдал, так чуть своего человека не уложил. Без конца один всеми недоволен. Ещё предаст!

И имя предводителя переходило из уст в уста, с проклятиями и угрозами. Решено было подкраситься к нему ночью и покончить разом.

А атаману было тяжело. Эта ночь казалась ему такой же мрачной, как его жизнь. Он глядел на безответное небо, без просвета, без лучей,— и ему становилось жутко. «Так и я,—думалось ему,— хочу, чтобы не лилась кровь, не глядели бы так страшно глаза убитых, не плакали бы дети! И ничего не знаю, не умею, кроме этого... Никто не научит. Ропщут они: кровь я жалею, мало убиваю... А за убитых, если спросится, когда жизнь закончится, как на этом небе, и опустится ночь... Уйти от них на простор, с кораблём по морю. Пусть буря разобьёт, а то — на кресте распнут с проклятиями.

И что-то внутри укоряет и жжёт... Кто бы пожалел, наставил! Говорят, ходит по Галилее Человек, учит добру, больных исцеляет, мёртвых воскрешает, во взгляде Его сияет свет. О жизнь, жизнь! Уйти туда, на простор, а там — уплыть по морю от

этой ужасной ночи». Разбойник схватился за голову обеими руками и замер.

Вдруг послышались крики ожесточения, отчаяния:

— Измена, обошли!

Множество людей, невидимо откуда, налетело со всех сторон на табор, все выходы были заняты, полетели острые стрелы. Застигнутые врасплох, разбойники с отчаянием вскакивали, отбивались, но через некоторое время обессилели и были захвачены сильным римским отрядом, искусно сумевшим обойти их. Оборонявшегося без оружия, но ожесточённое и дольше других, атаман этой знаменитой шайки под сильным конвоем повели скованного в Иерусалим.

На Голгофе был мрак, стон и ужас... Среди дня на вселенную надвинулась темнота, и только где-то низко на небе колыхало кровавое зарево, бросавшее отблеск на место казни.

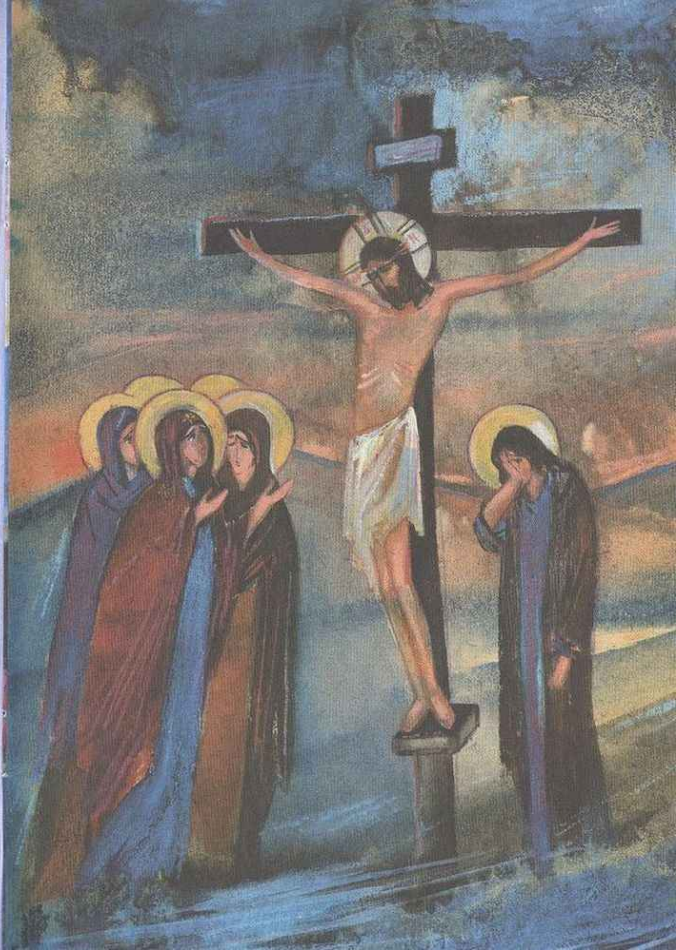
Бесчисленные толпы народа, бряцание оружия, сдержанный шёпот многих людей, проклятья, плач, ненависть, сомнения, невыразимые сожаления окружали высокий Крест, на котором распяли Человека. Над головой Его висела надпись: «Иисус Назорей, Царь Иудейский».

Христос страдал... И с каждым мгновением Его страданий очищалась бесконечность человеческих согрешений, бывших от начала мира и будущих. И в каждый миг Христос одновременно переживал

соединённые муки целых поколений, тяжесть тайных, не открывшихся ужасов, гнетущих человеческих скорбей. И сила зла всё ослаблялась, клеймо проклятия сходило.

Христос страдал... У Креста стояла Мать невыразимой красоты, с пронзённым сердцем смотрела на Распятого, и с каждым мгновением Его страдание, как оружие, глубже и глубже вонзалось в Её душу. По другую сторону стоял любимый ученик, чтобы свидетельствовать.

Вокруг было немое смятение. Голоса поносивших уже прекратились. Солнце померкло, чтобы не светить над этою казнию, и никто не мог вернуть ему его света, — и тогда люди замолкли. Страх чего-то громадного, совершавшегося вокруг этого Креста, охватил всю толпу, окутанную темнотой. И она перестала глумиться. Римские когорты дрогнули и стояли в безмолвии. А ужас природы всё усиливался. Воздух, раскалённый жгучим сухим вихрем, теперь застыл — неподвижен, тяжёл и удушлив. Мрак становился всё гуще. Заря пылала всё кровавее. Но её свет как бы гас сам в себе, оставляя в темноте очертания дальних гор и скал. Последние преграды между Богом и землёю с грохотом рушились — Христос страдал всё ужаснее...

По обе стороны Распятия стояли два креста пониже. На них висели разбойники. Один, с искажённым от боли лицом, скрежеща зубами, ворочал гневно головой и испускал проклятия и ужасную брань. Другой молчал, голова его с курчавыми волосами свесилась на грудь. Он казался ещё не старым, и многие смотрели на него с состраданием.

Бесчеловечное мучение, которое терпел разбойник, было для него легче той предсмертной тоски, которая сдавливала его душу. Он боялся конца жизни и начала чего-то, ещё более страшного — другого. И жаль, что этой жизни нельзя теперь вернуть и стать иным.

В воспалённом мозгу поднялись с болью старые воспоминания: одинокое детство среди разбойников, простор пустыни, тёмные ночи; где-нибудь в камышах, у дороги ждут разбойники. Его тоже взяли, сердце замирает — страшно и сладко. Ветер сердито воет, ночь шепчется.

Вот едут... Разбойники ждут. Кони храпят — ближе, ближе... И вдруг с криком вылетели: бойня, кровь, и потом всё тихо, тихо, так зловеще тихо.

А вот его первое убийство. Перед ним лежит в богатой одежде дородный фарисей. Он умер, а глаза уставились, глядят ещё... на него глядят.

А вот, после добычи, на несколько дней отдых. Крови нет, опасности нет. Целые ночи под небом — и мечтается: отчего это у одних всего так много, а другим надо брать силой, и одни учёны, а ему так никто ничего не объяснил.

Звёзды погаснут, загорится заря, выплывает солнце — и так чисто всё вокруг, безмятежно, хочется Кого-то хвалить и славить... Себя станет стыдно, и так грустно за всё, что совершилось в жизни. Нечистое создание, мерзкая жизнь!..

А тело ноет, невыносимая боль, жилы натянуты, страшная жажда, и отовсюду жжёт, как в огне, гвозди разрезают тело, суставы ломаются... Вот забытьё, тихо, темно — только на небе звёзды горят — укор в них... Тогда звали, не пошёл... Гудит, зовёт... Громче всё... Блеск, простор какой, плещет океан. Волны одна за другою рокочут, сменяются — воздух свободы, всё волны, волны плывут. А там где-то солнце сияет, туда!.. Чьи-то глаза светлые, правдивые. Младенец, руки поднятые: так Целитель снился. Его бы, Его! Нет. Без Него — судьба гибнуть тут на кресте! Он висит, тело ноет... Последний час — темно, страшно темно. Да!.. Говорили, Он тут — Иисус из Галилеи, он Его ещё не видел...

Разбойник открыл глаза и повернул голову к Распятию.

Слева от него, на большом Кресте в центре, был распят Тот, о Ком говорили, что это Иисус из Галилеи.

Разбойник увидел Того, Кого хотел видеть.

У Креста, поддерживаемая юношей, стояла плачущая Мать, и вблизи Неё плакали другие женщины. Немного дальше стояли те, кто, по-видимому, так жаждал смерти и страданий Мученика; их лица были ужасны. Они насмешливо издевались, говоря: «Если Ты Сын Божий, сойди с Креста, и мы уверуем...»

Но что это? Некоторые из народа, пришедшие смотреть, бьют себя в грудь и говорят:

— Он невинен, слышите, Он молится за Своих распинателей: «Отец, прости им, они не знают, что делают.»

Эти возгласы привели разбойника в себя.

Кто же этот Распятый? Взглянуть бы в Его глаза. Он, видимо, невинно страдает. Он исполнен Любви даже к Своим врагам. А эта бедная так плачет, видно, Мать Его.

В это время с другого креста послышались насмешки, обращённые к распятому Иисусу.

Разбойник встрепенулся:

— О, как ты смеешь смеяться над невинным Страдальцем! Он делал только добро, а сейчас страдает от людской злобы и зависти и молится за Своих распинателей Отцу Своему. Опомнись! Что мы с тобой сделали доброго?! Вся наша жизнь прошла в разбое и убийствах. А Этот никакого зла никому не сделал.— И, обратившись к Иисусу, разбойник воскликнул:— Помяни меня, Господи, когда придёшь в Царство Своё.

Иисус обратил Свой взор на разбойника.

О, эти глаза, сколько Любви было в них, и разбойник услышал голос:

— Истинно говорю тебе: ныне со Мною будешь в Раю.

Разбойник вострепетал от восторга: да, этот взор ему знаком. Так точно тридцать лет тому назад смотрел на него Тот Младенец, к Которому так стремилась его душа. Да, это Он — это Бог, принявший на Себя человеческий образ. Да, только к Нему и в обещанное Им Его Царство рвётся теперь душа... Да, от Него исходит мир, с Ним радость, спокойствие, и ничтожны телесные муки. Да, к Нему и только к Нему, моему Спасителю...

Иисус обратился к плачущей Матери и голодом, полным сострадания и любви, сказал:

— Это Твой сын.— А ученику, Её поддерживающему: — Это Мать твоя.

И вспомнил разбойник слова, сказанные ему когда-то в пустыне:

— Этот Младенец воздаст тебе добрым воздаянием.

Да, всё невозможное совершилось! Прощённое сердце успокоено — все духи зла, преследовавшие его, изгнаны Богом в преисподнюю. Покаявшаяся душа, вкусившая на миг чистоту и совесть, стремится только туда — за Ним, Богом и Человеком, Иисусом Христом. За Истинным Мессией — в Его Царство Чистоты и Святости.

